

Содержание

Предисловие

9

Часть первая

13

Часть вторая

441

Послесловие

741

Указатель

763

После разгрома ЦИКа и кары, достойной кары, которую понес Авель, я твердо верю, что мы идем к великому лучезарному будущему, — это гнездо измен, беззаконий и узаконенной грязи меня страшило. Теперь стало светлее, всё дурное будет сметено, и люди подтянутся, и всё пойдет в гору.

*Из дневника М. А. Сванидзе,
запись от 29 апреля 1935 года*

Предисловие

К осени 1933 года в СССР сложился объединенный нелегальный руководящий центр (так называемый центр центров), сплотивший троцкистско-зиновьевскую и правую оппозицию, а также представителей других враждебных советскому строю течений. Эти силы смогли активизироваться и объединиться на фоне временных экономических трудностей, переживаемых страной в период коллективизации. В центр вошли такие видные представители бывших оппозиционных сил, как Каменев и Сокольников от зиновьевцев, Пятаков от троцкистов, Бухарин, Рыков и Томский от правых, а также представители военных — Корк и Тухачевский. Важную роль в деятельности центра играли секретарь ЦИК СССР Енукидзе и заместитель председателя (и фактический руководитель) ОГПУ Ягода.

Центр планировал устроить в Кремле военный переворот, арестовать и уничтожить советское правительство, поднять вооруженное восстание при поддержке интервентов и захватить власть в СССР. Для реализации этого плана центр наладил связь с иностранными разведками и представителями антисоветских партий за рубежом и подготовил широкую сеть террористических и диверсионных групп. В Кремле за подготовку террористов отвечал Енукидзе: действуя через своих подчиненных, он завербовал группу военных из комендатуры Кремля. Другую террористическую группу в Кремле с ведома Енукидзе создал Каменев, воспользовавшись тем, что в кремлевской библиотеке работала бывшая жена его брата.

В первую очередь террористы намеревались убить вождя мирового пролетариата И. В. Сталина, которому ставили в вину разгром оппозиции в СССР. К счастью для трудящихся всего мира, товарищ Сталин террористический заговор обнаружил и поручил НКВД выявить и арестовать заговорщиков. Хотя нарком внутренних дел Ягода и сам был участником заговора, ему пришлось по требованию Сталина провести расследование. Ягода постарался отвести подозрение от главарей оппозиции, чтобы сохранить их на свободе. Для этого пришлось пожертвовать рядом террористических групп, членов которых следствие и объявило главными заговорщиками.

Так, по официальной версии, возникло “кремлевское дело”...

На первый взгляд дело это — лишь одно из бесконечной череды чекистских фальсификаций. Но оно всё же выделяется из общего ряда тем, что сам вождь Страны Советов стал его инициатором и с его помощью расправился с одним из впавших в немилость действующих членов высшего руководства — Авелем Сафроновичем Енукидзе, которого никак нельзя было пристегнуть к оппозиционерам, уже давно подвергавшимся репрессиям. Впрочем, через два года возможностей объявить кого угодно кем угодно будет в достатке, и Енукидзе уничтожат уже физически.

“Кремлевское дело” пришлось на промежуточный период между убийством Кирова, положившим начало новой волне репрессий, и теми событиями, что впоследствии стали именоваться “1937 годом” или “Большим террором”. Дело это, как и многие другие, не имело под собой ни малейшей реальной основы и было полностью выдуманно и сконструировано советскими рыцарями плаща и кинжала. Бессмысленная расправа с секретарем ЦИК СССР, не представлявшим для Сталина никакой опасности, обернулась чудовищной трагедией более чем для сотни человек. Одних убили, другим сломали жизнь попросту ни за что — как это часто бывает, когда речь идет об “интересах безопасности государства”, а на деле — о прихотях страдающего паранойей диктатора.

Часть первая

1

Многолетний секретарь ЦИК СССР Авель Сафронович Енукидзе не жаждал высшей власти, вполне довольствуясь тем значительным постом, который занимал, и не был столь кровожаден по отношению к однопартийцам, как того требовала обстановка, сложившаяся в стране к середине 1930-х годов. По натуре сей большевик был не слишком “пламенным”, а его высокое положение открывало перед ним множество соблазнов, устоять перед которыми он не мог и не пытался. Будучи, к примеру, убежденным холостяком, любил Авель Сафронович женское общество и по счастливому стечению обстоятельств имел возможность наслаждаться им в полной мере, не опасаясь серьезных последствий.

Находясь формально в подчинении у председателей ЦИК, он — благодаря давнему знакомству — был вхож к Сталину и обласкан им (в декабре 1932 года награжден орденом Ленина, а 27 февраля 1934-го в его честь переименовали Амбролаурский район Грузии в Енукидзинский, а село Амбролаури — в город Енукидзе), чувствовал себя самостоятельной фигурой, не зависящей ни от кого, кроме “хозяина” (к которому обращался на “ты”, а в письмах — “Сосо”). В то время как председатели ЦИК (к примеру, М. И. Калинин, бессменный председатель ВЦИК с 1919 года), занимая высший государственный пост в стране, на практике осуществляли чисто представительские функции и реальной власти не имели, секретарь ЦИК обладал всей полнотой власти над аппаратом Секретариата Президиума

ЦИК (штатная численность на 5 марта 1935 года — 128 человек) да и всего ЦИК; поскольку учреждения ЦИК располагались в Кремле (и частично в здании ГУМа со стороны Красной площади), секретарю в какой-то мере подчинялся и кремлевский комендант (Рудольф Петерсон), и, соответственно, школа ВЦИК, курсанты которой несли охрану Кремля (формально военные, конечно, подчинялись и наркому обороны).

Впрочем, влияние секретаря ЦИК распространялось далеко за пределы бывшей резиденции московских царей. В его ведении были многочисленные дачи, дома отдыха и санатории, которыми пользовались высокопоставленные советские и партийные чиновники. В его ведении были академические театры. В его же ведении находилось распределение значительных сумм, ассигнуемых ЦИК из бюджета на различные расходы, включая так называемые особые (секретные) фонды (часть этих тайных денег шла на поддержание Мавзолея Ленина и его обитателя в “рабочем состоянии”, а остальные — на “материальную помощь” сотрудникам ЦИК и другим полезным и ответственным товарищам).

Только этот факт, вкуче с близостью к “вождю народов”, заставлял множество людей (из всех слоев общества) искать расположения Енукидзе, чем Авель Сафронович тоже находил возможным пользоваться. Холостяцкое положение полностью развязывало ему руки для всяческих столь любимых им амурных интрижек. Был Авель Сафронович тонким ценителем искусств и любил окружать себя женщинами интересными во всех отношениях (поэтому нередко тянуло его отнюдь не к членам партии, а к прелестным созданиям, вышедшим из прежнего высшего общества). Но составить “донжуанский список” Енукидзе можно лишь на основе слухов и сплетен — точных сведений на этот счет не осталось. Сам Енукидзе, уже попав в опалу, большинство обвинений подобного рода категорически отвергал, но ему в этом вопросе тоже полностью доверять нельзя.

Нельзя не отметить, впрочем, что после падения Енукидзе слухи о его амурных похождениях стали циркулировать

с новой силой. В качестве примера можно привести известную и часто цитируемую запись в дневнике Марии Сванидзе, супруги сталинского шурина. Описывает Мария Анисимовна поездку 23–24 июня 1935 года на ближнюю дачу к Сталину, где вождь задал ей вопрос, довольна ли она, что “Авель понес наказание” (еще не были вынесены приговоры по “кремлевскому делу”, но уже прошел июньский пленум ЦК, на котором Енукидзе исключили из ВКП(б)). В ответ раздался, судя по дневниковой записи, страстный монолог:

...Я не верила в то, что наше государство — правовое, что у нас есть справедливость, что можно где-то найти правый суд (кроме ЦК, конечно, где всегда всё правильно оценивалось), а теперь я счастлива, что нет этого гнезда разложения морали, нравов и быта. Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на н[аш] быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развратен и сластолюбив, он смрадил всё вокруг себя — ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, оболщание девочек. Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для других, в особенности в первые годы после революции, он использовал всё это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Точно говорить и писать об этом, но, будучи эротически ненормальным и очевидно не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на всё более и более юных и наконец докатился до девочек 9–11 лет, развращая их воображение, растлевая их если не физически, то морально.

Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам, более неустойчивым морально. В учреждение набирался штат только по половым признакам, нравившимся Авелю. Чтоб оправдать свой разврат, он готов был поощрять его во всем — шел широко навстречу мужу, бросившему семью, детей, или просто сводил мужа с ненужной ему балериной, машинисткой и пр. Чтоб не быть слишком на виду у партии, окружал

себя беспартийными (а аппарат, секретарши, друзья и знакомые из театрального мира). Под видом “доброто” благотворествовал только тех, кто прямо или косвенно импонировал ему чувственно. Контрреволюция, которая развилась в его ведомстве, явилась прямым следствием всех его поступков — стоило ему поставить интересную девочку или женщину, и всё можно было около его носа разделять¹.

Многие принимают всё сказанное выше за чистую монету, не глядя на свойственные Марии Сванидзе несколько даже истерические преувеличения и ее пиетет перед Сталиным. Но имеет смысл сопоставить эти строки с тем, что она писала в дневнике по итогам первого московского процесса (“объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра”):

... Аркуса, Шлейфера, Радека и др. людей, которых я знала, с которыми говорила и которым всегда не доверяла, не скрывая этого, но то, что развернулось, превзошло все мои представления о людской подлости. Всё — включая террор, интервенцию, гестапо, воровство госуд[арственных] средств, вредительство и разложение вокруг себя, и всё это без политической программы, а только из карьеризма, из алчности, из желания жить, иметь любовниц, заграничные поездки, широкую жизнь и туманные перспективы захвата власти дворцовым переворотом, без опоры на массы, чтоб разрушить то, что создано революцией идей... Эти моральные уроды заслужили своей участи... Как мы могли всё проворонить, как мы могли так слепо доверять этой шайке подлецов! Непостижимо. Они пустили корни в самые ответственные учреждения, они имели заслоны в самых высоких постах. Шутка сказать, Пятаков да и другие. Я вспоминаю все встречи, все фразы, всё случайное, что наблюдала, сопоставляю, перекрещиваю, тяну нити и прихожу к новым и новым людям, которые еще ходят на свободе, но которые, конечно, замешаны

¹ *Иосиф Сталин в объятиях семьи*. Сборник документов. Родина, edition q, Берлин, Чикаго, Токио, Москва, 1993, с. 182.

и должны быть выведены на чистую воду. Как же это всё могло жить и отравлять атмосферу своим смрадом больше 10 лет? Непостижимо¹.

Как видим, Мария Анисимовна полностью доверяла официальной пропаганде, но в той же истерической манере дополняла искусственно созданную реальность рядом “особенностей”, известных ей благодаря положению в советском “истеблишменте”. Почти нет сомнений в том, что и предыдущая дневниковая запись строилась не на фактах, а на картине, созданной официальной пропагандой и приправленной эмоциями, которые подпитывались личной антипатией и всевозможными слухами и сплетнями, в изобилии циркулировавшими среди “истеблишмента” того времени за отсутствием даже в этой среде надежной информации. Мы не знаем, почему Мария Анисимовна столь враждебно относилась к Енукидзе, возможно, были и какие-то личные причины, но так или иначе она явно сгустила краски, бичуя его реальные и мнимые пороки.

Оставил воспоминания о Енукидзе и Лев Давидович Троцкий. Будучи в изгнании в Мексике, он в начале 1938 года написал очерк об Авеле Сафроновиче, в котором дал его достаточно детальный портрет:

Енукидзе был политически второстепенной фигурой, без личных амбиций, с постоянной способностью приспособиться к обстановке... человек доброй души... Оратором он не был, но русским языком владел хорошо и, в случае нужды, мог сказать речь с меньшим акцентом, чем большинство грузин, включая Сталина. Лично Енукидзе производил очень приятное впечатление — мягкостью характера, отсутствием личных претензий, тактичностью. К этому надо прибавить еще крайнюю застенчивость: по малейшему поводу веснушчатое лицо Авеля заливалось горячей краской...

¹ *Иосиф Сталин в объятиях семьи*. Сборник документов. Родина, edition q, Берлин, Чикаго, Токио, Москва, 1993, с. 186–187.

Приведенная выше характеристика относится к дореволюционному периоду. Троцкий считал, что Енукидзе не проявил себя стойким большевиком в “годы реакции” после 1905 года и в период между февралем и октябрём 1917-го. А после Октябрьской революции

те “старые большевики”, которые в период реакции порывали с партией, допускались... на советские посты, но не партийные. К тому же у Енукидзе, как сказано, не было никаких политических претензий. Руководству партии он доверял полностью и с закрытыми глазами. Он был глубоко предан Ленину, с оттенком обожания, и — это необходимо сказать для понимания дальнейшего — сильно привязался ко мне. В тех случаях, когда мы политически расходились с Лениным, Енукидзе глубоко страдал. Таких случаев, к слову сказать, было немало.

Не играя сколько-нибудь значительной политической роли, Енукидзе занял, однако, важное место если не в жизни страны, то в жизни правящих верхов. Дело в том, что в его руках сосредоточено было заведование хозяйством ЦИК: из кремлевского кооператива продукты отпускались не иначе как по запискам Енукидзе.

Рассказывая о том, как Енукидзе занимался устройством быта кремлевской верхушки и лично Сталина, Троцкий отмечал, что Авель Сафронович

относился к земляку не только без “обожания”, но и без симпатии, главным образом, из-за его грубости и капризности.

Уверенными мазками рисует Троцкий и послереволюционный портрет Енукидзе:

Енукидзе жил в том же Кавалерском корпусе, что и мы. Старый холостяк, он занимал небольшую квартирку, в которой в старые времена помещался какой-либо второстепенный чиновник. Мы